

3. Международное право. Сборник документов. М.: Юрид. лит-ра, 2000. 816 с.
4. Правда. 1951. 7 сентября.
5. Сборник документов внешней политики КНР. Вып. 2. Пекин, 1958.
6. Ткаченко Б. И. Курильская проблема: история, право, политика и экономика. Владивосток: Морской гос. ун-т, 2009.
7. Фу Ин. Исторически острова в ЮКМ — это территория Китая // Китай. Пекин, 2016. № 8.

REFERENCES

1. Geograficheskii enciklopedicheskii slovar'. Geograficheskie nazvaniya. Izdanie vtoroe, dopolnennoe [The geographical encyclopaedic dictionary. Place names. The edition the second, added]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1989. P. 573.
2. Istoriya voyny na Tihom okeane. V pyati tomah. Tom V. Mirnyi dogovor. Perevod s yaponskogo yazyka [History of war on Pacific ocean. In five volumes. Volume V. The peace treaty. Translation from the Japanese language]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1958. P. 339.
3. Mezhdunarodnoe pravo. Sbornik dokumentov [International law. The collection of documents]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 2000. P. 509.
4. Pravda, September, 7, 1951.
5. Sbornik dokumentov vneshnei politiki KNR. Vypusk 2 [The collection of documents of foreign policy of Chinese People's Republic. Release 2]. Peking, 1958. P. 32.
6. Tkachenko B. I. Kuril'skaya problema: istoriya, pravo, politika i ekonomika [The Problem of Kurile Islands: history, legal aspects, policy and economy]. Vladivostok: Morskoj gosudarstvennii universitet Publ., 2009. P. 212.
7. Fu In. Istoricheski ostrova v YuKM — eto territoriya Kitaya [Historically islands in the Southern-Chinese Sea is a territory of China]. Kitai. Peking, 2016. No. 8. P. 18.

УДК: 327-5

«Малая Восточная Азия в Тихоокеанской России»: отношение жителей Владивостока, Хабаровска и Южно-Сахалинска к мигрантам из Восточной Азии¹

Ларин Виктор Лаврентьевич

член-корреспондент РАН, заведующий Центром азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: victorlar@mail.ru

Ларина Лилия Львовна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Лабораторией изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: lilylar25@mail.ru

Томашук Светлана Михайловна

старший лаборант Лаборатории изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: svetlanatomashuk@mail.ru

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного летом 2018 г. в гг. Владивосток, Хабаровск и Южно-Сахалинск на тему восприятия зарубежных мигрантов жителями Тихоокеанской России. Опираясь на ответы респондентов, авторы анализируют их отношение к зарубежной миграции как таковой, к присутствию в России различных категорий мигрантов (рабочих, предпринимателей, студентов и пр.) из стран Тихоокеанской Азии, а также некоторые факторы, формирующие их восприятие азиатской миграции в России. Сопоставляя полученные результаты с материалами прежних опросов, авторы приходят к выводу, что жители региона по-прежнему слабо предрасположены к принятию мигрантов из соседних стран Восточной Азии и тесному с ними взаимодействию.

Ключевые слова: Зарубежная миграция, Тихоокеанская Россия, Восточная Азия, этнокультурное взаимодействие

1. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-509-51001\18 «Малая Восточная Азия» на Дальнем Востоке России: исторический опыт и современные проблемы этнокультурного сосуществования россиян и мигрантов из Восточной Азии».

“Small East Asia in Pacific Russia»: Attitudes of Vladivostok, Khabarovsk and Yuzhno-Sakhalinsk residents to migrants from East Asia

Victor Larin, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: victorlar@mail.ru.

Liliia Larina, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: victorlar@mail.ru.

Svetlana Tomashuk, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: svetlanatomashuk@mail.ru.

The article presents the results of sociological survey aimed to study the views of Pacific Russia residents on the migrants from Asian countries which was conducted in summer 2018 in Vladivostok, Khabarovsk and Yuzhno-Sakhalinsk. The authors analyze the respondents' attitude to the foreign migration as a phenomenon and to various categories of Asian migrants in Pacific Russia (workers, entrepreneurs, students, etc.). They also study some factors shaping the local people's attitude to foreign migration. Comparing obtained results with the materials of previous surveys, the authors come to conclusion that local communities are still weakly inclined to accept migrants from neighboring East Asian countries and are not psychologically ready for close interaction with them.

Key words: Foreign migration, Pacific Russia, East Asia, ethno-cultural communication

ВВЕДЕНИЕ

Со второй половины XIX в., с самого начала освоения Приамурья, Приморья и Сахалина русскими людьми этот процесс шел в их тесном взаимодействии с коренными этносами соседних азиатских государств – китайцами, японцами и корейцами. Мигранты из этих государств компенсировали нехватку трудовых ресурсов, привносили азиатские технологии в сельскохозяйственное производство русских переселенцев, создавали неповторимый колорит приамурских городов и поселков. Но уже в то время проявились серьезные проблемы во взаимодействии славянской и восточноазиатских культур, в адаптации мигрантов в российское общество, крайним проявлением которых стали идеи «желтой опасности», меры правительства по сокращению численности мигрантов и почти поголовная их депортация с советского Дальнего Востока во второй половине 1930-х годов.

На рубеже XX-XXI веков, когда восстановились и стали активно развиваться экономические связи территорий Тихоокеанской России с её азиатскими соседями, китайские и северокорейские рабочие, китайские торговцы, предприниматели и студенты из Японии, КНР и Южной Кореи вновь стали обыденным компонентом экономической, общественной и культурной жизни восточных районов России [4, с. 271-319; 7, с. 346-387; 13, р. 68-92]. И уже в начале 1990-х годов в принимающем

сообществе стремительно возродились застарелые предубеждения и фобии в отношении азиатских мигрантов, которые время от времени трансформировались в откровенно агрессивное поведение националистически настроенных граждан и сообществ России. Как показали исследования тех лет, в основе неприятия лежали как экономико-демографические («экономическая и демографическая экспансия китайцев»), так и этнокультурные факторы: осознание степени общности или глубины отличий собственных культурных традиций от тех, что находятся извне [1, с. 133-139; 2, с. 148-155; 3, с. 318-340; 5, с. 115-126; 8, с. 124-171; 10, р. 1-32; 12, р. 513].

Тем не менее, систематичное взаимодействие представителей славянской и азиатских культур, происходившее на различных территориях, в разных средах, масштабах и форматах, вели к постепенному сглаживанию отношений. Опросы, регулярно проводившиеся Лабораторией изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, привели исследователей к выводам о постепенно растущей терпимости местного населения представителям восточноазиатских диаспор на территории Тихоокеанской России [6, с. 23-24].

Эта тенденция, безусловно, требует более детального изучения, как в плане анализа самой тенденции, так и в территориальном разрезе. Исследование было продолжено в рамках научного гранта РФФИ, посвященного истории и современному взаимодействию местного и восточноазиатского населения Тихоокеанской России. В рамках этого проекта весной – летом 2018 г. Лаборатория изучения общественно-го мнения Института истории ДВО РАН организовала и провела опрос жителей гг. Владивостока, Хабаровска и Южно-Сахалинска на предмет их восприятия мигрантов из стран Восточной Азии и взаимодействия с ними². В данной статье представлен сравнительный анализ результатов по этим городам. Все данные представлены в процентах от общего числа опрошенных, если не указано иное.

На данном этапе работы над проектом исследователей интересовали два ключевых вопроса. Во-первых, характер восприятия жителями региона зарубежной миграции как таковой и мигрантов из соседних государств Восточной Азии в контексте развития своих территорий. Во-вторых, в какой степени на этом восприятии сказывается фактор межкультурных, межцивилизационных различий между представителями принимающего сообщества (преимущественно принадлежащими к славянской культуре и европейской цивилизации) и мигрантами, носителями восточноазиатской культуры. В этом ключе и построена данная статья.

2. Опросом было охвачено по 200 респондентов в гг. Владивосток и Хабаровск и 130 — в Южно-Сахалинске. Опрос проводился методом случайной выборки с помощью анонимной анкеты в индивидуальной и групповой форме. Выборочная совокупность проводимых исследований в целом отражала состав населения городов по полу и возрасту. Респондентами выступали мужчины и женщины в возрасте от 18 до 85 лет.

ВОСПРИЯТИЕ ЗАРУБЕЖНОЙ МИГРАЦИИ

Прежде всего, авторы исследования поставили задачу выяснить, является ли сама по себе зарубежная миграция важным явлением повседневности для жителей региона. Прежние опросы показывали, что, к примеру, доля дальневосточников, которые считали увеличение численности мигрантов из соседних государств угрозой безопасности Тихоокеанской России, хотя и снизилась с 49-51% в 2010 и 2013 гг. до 31% в 2016 г. [9, с. 303], но оставалась достаточно высокой. При этом молодежь Владивостока демонстрировала более высокую степень толерантности: среди проблем, которые тревожили студентов этого города, миграция из соседних государств занимала только 9 место (18% от числа опрошенных в 2015-2016 гг.) [11, р. 118].

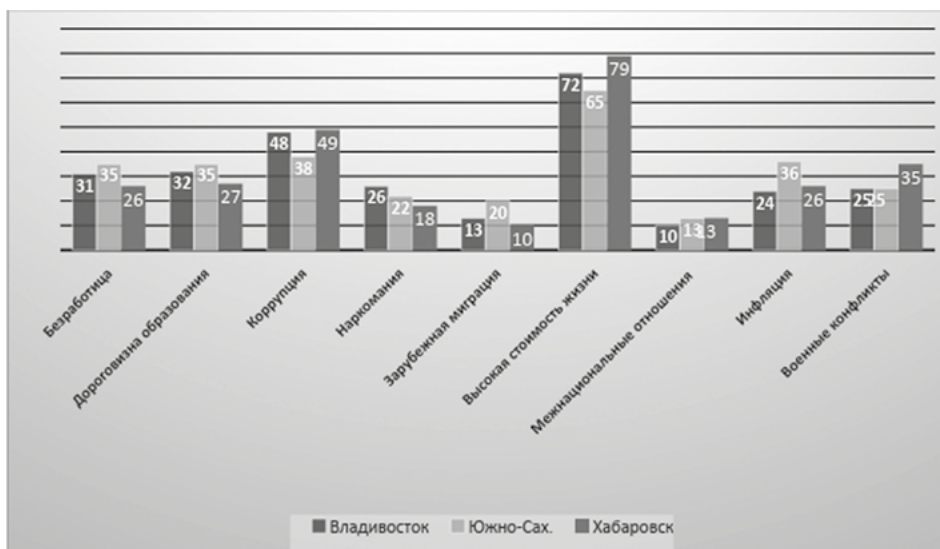

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие проблемы современности волнуют Вас более всего?»

Опрос 2018 г. показал, что проблема зарубежной миграции, если брать её как абстрактное явление, стала для жителей Владивостока еще менее актуальной: только 13% респондентов поместили её в ответе на вопрос анкеты «Какие проблемы современности волнуют Вас более всего?» Жителей Южно-Сахалинска эта проблема тревожит в несколько большей степени (её указали 20% респондентов), но в обоих городах зарубежная миграция оказалась на предпоследнем, восьмом месте среди девяти предложенных в анкете угроз. Последней по значимости (10% опрошенных во Владивостоке и 13% на Сахалине) респонденты поставили проблему межнациональных отношений (рис. 1). У жителей Хабаровска эти две проблемы также стоят на последнем месте по важности, хотя и в другом порядке. Все это также свидетельствует о невысокой степени остроты этого вопроса в регионе. Очевидно также, что тема

межнациональных отношений напрямую соотносится с восприятием основной массой населения факта существования неславянских диаспор на территории региона.

Значительно более актуальными проблемами, чем миграция, для большинства жителей региона являются высокая стоимость жизни (72% респондентов во Владивостоке, 65% на Сахалине и 79% в Хабаровске) и коррупция (48, 38 и 49%). Далее в диапазоне от 22 до 36% расположились такие проблемы, как безработица, дороговизна образования (эти темы наиболее актуальны для респондентов в возрасте от 20 до 40 лет), наркомания, инфляция и военные конфликты.

Тем не менее, более конкретно сформулированные вопросы, нацеленные на выявление отношения жителей региона к различным категориям мигрантов, к представителям тех или иных государств региона, дают не столь радужную картину о состоянии межнациональных отношений.

Начнем с того, что треть опрошенных жителей Владивостока и Хабаровска (32 и 34%) и более половины (55%) Южно-Сахалинска отрицательно относятся к присутствию в России временных рабочих из стран Восточной Азии (таб. 1). Негативное восприятие преобладает также в отношении иностранных торговцев и предпринимателей. К пребыванию туристов и студентов из стран Восточной Азии жители опрошенных городов относятся в большинстве своем толерантно, хотя тот факт, что в Южно-Сахалинске почти четверть опрошенных (23%) высказалась против присутствия на Сахалине студентов, а пятая часть (19%) даже туристов из стран Восточной Азии не может не настораживать.

	Положительно			Отрицательно			Безразлично		
	Вл.	Хаб.	ЮС	Вл.	Хаб.	ЮС	Вл.	Хаб.	ЮС
Временные рабочие	28	35	16	32	34	55	33	30	26
Торговцы	25	29	18	39	38	49	30	33	30
Предприниматели	30	42	26	35	33	42	28	25	28
Туристы	64	73	55	6	11	19	23	16	18
Студенты	67	69	44	6	12	23	24	19	25

Таб. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы воспринимаете пребывание жителей Восточной Азии на территории Вашего края/области?»

Поскольку временные рабочие, торговцы и предприниматели из стран Восточной Азии ассоциируются у жителей Дальнего Востока, прежде всего с Китаем, то и главный источник угроз отождествляется у них именно с этой страной. Практически равное количество респондентов во Владивостоке и на Сахалине (47 и 48%) считают, что рост чис-

ленности китайцев на Дальнем Востоке в той или степени представляет угрозу безопасности России. Угроза корейского и японского присутствия кажется им чуть менее значимой (см. таб. 2).

Страна или регион исхода мигрантов	Представляет			Не представляет			Затруднились		
	Вл.	Хаб.	ЮС	Вл.	Хаб.	ЮС	Вл.	Хаб.	ЮС
КНР	47	54	48	40	39	40	13	7	12
Республика Корея	28	24	31	56	63	57	16	13	12
КНДР	28	27	36	53	59	54	19	15	14
Япония	24	23	28	62	64	61	14	14	13
Вьетнам	18	22	34	65	62	53	17	17	16
Республики Средней Азии	52	54	70	35	36	23	13	11	10
Государства Кавказа	54	55	68	35	35	29	11	11	10

Таб. 2. Ответы на вопрос «Представляет ли угрозу для безопасности России увеличение числа граждан иностранных государств на Дальнем Востоке?»

Ответы на два последних вопроса позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, как минимум, четверть населения Владивостока и Хабаровска и треть Южно-Сахалинска подвержена антииностранным фобиям вообще; во-вторых, синдром «китайской угрозы» достаточно прочно укоренился в сознании дальневосточников.

Преимущественно негативно жители Тихоокеанской России относятся к идее предоставлять гражданство России представителям восточноазиатских государств. Китайцам отказали в праве на российское гражданство три четверти (72 и 75%) респондентов в Хабаровске и

Страна или регион исхода мигрантов	Представляет			Не представляет			Затруднились		
	Вл.	Хаб.	ЮС	Вл.	Хаб.	ЮС	Вл.	Хаб.	ЮС
КНР	14	17	10	75	72	82	11	11	8
Республика Корея	21	20	21	67	64	70	12	16	9
КНДР	17	16	10	70	70	77	13	14	13
Япония	25	27	19	65	58	71	10	15	10
Вьетнам	17	17	12	70	64	78	13	19	10
Республики Средней Азии	15	21	11	76	68	84	9	11	5
Государства Кавказа	16	17	13	77	70	82	7	13	5

Таб. 3. Ответы респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы целесообразным предоставлять гражданство России представителям следующих государств и территорий?»

Владивостоке и 82% – в Южно-Сахалинске. Да и к другим представителям азиатских диаспор отношение не менее жесткое (таб. 3). Если подозрительное отношение к китайскому присутствию на Дальнем Востоке легко объясняется историей китайской миграции в России последнего десятилетия XX – первого десятилетия XXI в., активной антикитайской риторикой российских СМИ и имеет под собой серьезные геополитические основания, то отторжение японцев, корейцев и вьетнамцев выглядит неожиданным. По сути дела, истинно толерантными в межнациональных отношениях можно назвать не более 14-16% жителей Владивостока и Хабаровска и 10% – Южно-Сахалинска.

Таким образом, углубленный анализ показывает, что зарубежная миграция кажется жителям Тихоокеанской России неактуальной темой только на фоне других, более злободневных и острых для них проблем. Однако стоит только заострить на ней внимание, как азиатские диаспоры явно не кажутся жителям им желанными соседями в российских городах. Автоматически возникает вопрос: каковы причины таких настроений? Обусловлены они культурной непохожестью, сложностями междивизионального понимания и общения или в основе лежат другие факторы? Изучение результатов второй части анкеты позволяет приблизиться к пониманию этих причин.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Пробным шагом в изучении роли этнокультурного фактора в восприятии дальневосточниками зарубежной миграции стал вопрос: «Ощущаете ли вы дискомфорт при общении с иностранцами?» Как оказалось, у большинства опрошенных (64% во Владивостоке, 71% в Хабаровске и 73% на Сахалине) такой проблемы не существует. В существовании её признались четверть респондентов во Владивостоке и Хабаровске (24 и 25%) и 17% – в Южно-Сахалинске.

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что мешает Вашему пониманию иностранцев и сближение с ними?»

Но при этом лишь пятая часть населения (22 и 23% во Владивостоке и Хабаровске и 16% в Южно-Сахалинске) заявили, что у них нет никаких препятствий для понимания иностранцев и сближения с ними (рис. 2). Две трети опрошенных (61% в Хабаровске, 63% во Владивостоке и 66% в Южно-Сахалинске) закономерно полагают, что такой преградой является незнание языка. Культурно-цивилизационный фактор – «манеры поведения» иностранцев и «различия в культуре» является сдерживающим барьером для каждого пятого жителя во Владивостоке (21-22% респондентов), четвертого (24-28%) в Хабаровске и каждого третьего (30-34%) на Сахалине. При этом разница в уровне образования, а также «личные предубеждения» не являются, по мнению респондентов, обстоятельством, заслуживающим серьезного внимания.

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы относитесь к межнациональным бракам?»

В какой-то степени, лакмусовой бумажкой, тестирующей россиян на степень их толерантности в сфере межнациональных отношений и отношения к чужой культуре, служит вопрос об отношении к межнациональным бракам. И для Приморья, и для Сахалина, где корейская диаспора является заметным элементом этно-демографической структуры населения³, такие браки не являются чем-то необычным. В последние десятилетия стали появляться российско-китайские семьи. В результате более половины опрошенных (58%) считает, что национальность при вступлении в брак не имеет значения. Однозначно положительно в пользу таких браков высказались 17% респондентов в Хабаровске, 11% – во Владивостоке и 8% в Южно-Сахалинске. Однако около трети опрошенных в Приморье и на Сахалине (32-33%) и четверть (25%) в Хабаровске относятся к межнациональным бракам негативно (рис. 3).

При этом этнический и религиозный факторы не имеют критического значения при самоидентификации респондентов. Двумя глав-

3. По данным переписи населения 2010 г., численность корейцев в Приморском крае составляла 18,8, на Сахалине — 25 тыс. чел.

ными критериями для них являются принадлежность к стране и семье (рис. 4). Для каждого четвертого-пятого (18% в Южно-Сахалинске, 21% во Владивостоке и 23% в Хабаровске) важна идентификация со своим поколением.

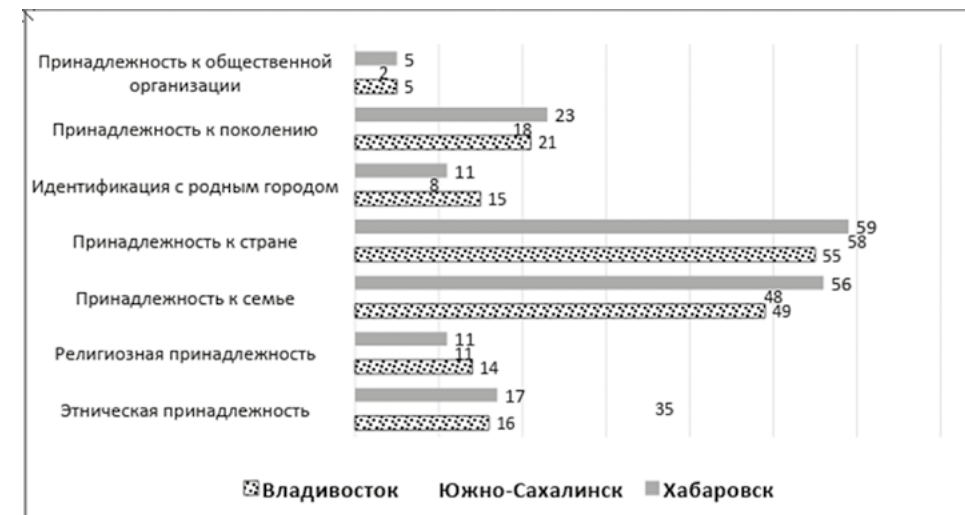

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что наиболее значимо для вашей самоидентификации?»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комфортность пребывания мигрантов на той или иной территории иного государства в немалой степени зависит от реакции на них принимающего сообщества. Как показали результаты опроса, это сообщество в трёх городах Тихоокеанской России слабо предрасположено к принятию мигрантов из соседних стран Восточной Азии и повседневному с ними взаимодействию. Сегодня они не видят серьёзных угроз в наличии иностранных мигрантов на своей территории, не ощущают остроты в межнациональных отношениях, а поэтому не хотят их иметь в будущем, предполагая избавиться от таких проблем самым простым и радикальным путем: ограничить, если не совсем запретить расселение мигрантов на территориях их проживания.

Сопоставление результатов этого опроса с результатами исследований прошлых лет убеждает, что, хотя фантом «желтой опасности» практически исчез из публичного пространства, все же он прочно укоренился в сознании людей и подспудно влияет и на их взгляды, и на принятие решений по самым разным вопросам.

Жители Владивостока и Хабаровска лучше подготовлены к взаимодействию с иностранцами, чем южно-сахалинцы. Сказывается, видимо, большая интернационализация и более активная международная жизнь этих двух городов.

Отношение жителей Тихоокеанской России к мигрантам вообще и мигрантам из стран Восточной Азии, в частности, требует более детального изучения, как с точки зрения его географии, так и в целях расшифровки истоков и подлинного содержания тех или иных взглядов и мнений. Эта работа будет проделана в ходе дальнейшей работы по проекту.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: «Муравей», 2004. 203 с.
2. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М.: Наталис, 2000. 190 с.
3. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
4. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в.). М.: «Восток-Запад», 2005. С. 271-319;
5. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX-XXI веков — Владивосток: Дальнаука, 2011. 325 с.
6. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.) // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 5-34.
7. Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 346-387.
8. Понкратова Л.А., Забияко А.П., Кобызов Р.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. С. 124-171.
9. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН профессора В.Л.Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. С. 303.
10. Alexseev M.A., Hofstetter R. Russia, China, and the Immigration Security Dilemma // Political Science Quaterly. 2006. No. 1. Pp. 1-32.
11. Larin V., Larina L. Similarities and differences in life aspirations and value orientations of the young people in North East Asia region (Pacific Russia, China, Japan) // East Asian Review. 2017. Vol. 17. P. 118.
12. Moltz J.C. Regional Tensions in the Russo-Chinese Reapproachment // Asian Survey. 1995. Vol. 35. N. 6. June. P. 513.
13. Wishnick E. Migration and economic security: Chinese labour migrants in the Russian Far East // Crossing national borders: human migration issues in Northeast Asia / Tsuneo Akaha and Anna Vassilieva eds. Tokyo — New York —Paris: United Nations University Press. 2005. Pp. 68-92.

REFERENCES

1. Gel'bras V.G. Rossiya v usloviyah global'noj kitajskoj migracii [Russia in the Focus of Chinese Global Migration]. Moscow, Muravej Publ., 2004, 203 p. (In Russ.)
2. Dyatlov V.I. Sovremennye torgovye men'shinstva: faktor stabil'nosti ili konflikta? [Contemporary Trade Minorities: A Factor of Stability or Conflict?]. Moscow, Natalis Publ., 2000, 190 p. (In Russ.)
3. Larin A. G. Kitajskie migranty v Rossii. Istorija i sovremennost' [Chinese Migrants in Russia. History and Today]. Moscow, Vostochnaja kniga Publ., 2009, 512 p. (In Russ.)
4. Larin V. L. Rossiysko-kitajskiye otnosheniya v regional'nykh izmereniyakh (80-ye gody XX — nachalo XXI v.) [Russian-Chinese relations in regional dimensions (1980s — early XXI century)]. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2005, 390 p. (In Russ.)
5. Larin V. L., Larina L. L. Okruzhayushchiy mir glazami dal'nevostochnikov: evolyutsiya vzglyadov i predstavleniy na rubezhe XX-XXI vekov [Russia Far East View the World: the Evolution of People's Perceptions and Attitudes at the Turn of the 20-21 st Centuries]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2011, 325 p. (In

Russ.)

6. Larin V. L., Larina L. L. Kitay v obshchestvennom mnenii zhiteley Tikhookeanskoy Rossii (po itogam oprosa 2017 g.) [Public Opinion of the Inhabitants of Pacific Russia toward China (According to Survey 2017)]. Rossiya I ATR, 2018, no. 2, pp 5-33. (In Russ.)
7. Migratsii naseleniya Aziatskoy Rossii: konets XIX — nachalo XXI vv [Migration of Asian Russia: the end XIX — the beginning of XXI century]. Novosibirsk, Parallel' Publ., 2011, 526 p. (In Russ.)
8. Ponkratova L.A., Zabyako A.P., Kobyzov R.A. Russkiye i kitaytsy: etnomigratsionnyye protsessy na Dal'nem Vostoke [Russians and Chinese: Ethno-Migration Processes in the Far East / Edited by A. P. Zabyako]. Ed. By A.P. Zabyako. Blagoveshchensk, Amurskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2009, 412 p. (In Russ.)
9. Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom prostranstve Severnoy Patsifiki v nachale XXI veka: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeystviya [Integrating Pacific Russia into the North Pacific region: experience and potential of regional and cross-border cooperation in the beginning of 21 st. century]. Ed. By V.L. Larin. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2017, 386 p. (In Russ.)
10. Alexseev M.A., Hofstetter R. Russia, China, and the Immigration Security Dilemma. Political Science Quaterly, 2006, no. 1, pp. 1-32. (In Eng.)
11. Larin V., Larina L. Similarities and differences in life aspirations and value orientations of the young people in North East Asia region (Pacific Russia, China, Japan). East Asian Review, 2017, Vol. 17, pp. 101-134. (In Eng.)
12. Moltz J.C. Regional Tensions in the Russo-Chinese Reapproachment. Asian Survey, 1995, Vol. 35. N. 6. June. P. 513. (In Eng.)
13. Wishnick E. Migration and economic security: Chinese labour migrants in the Russian Far East. Crossing national borders: human migration issues in Northeast Asia. Tsuneo Akaha and Anna Vassilieva eds. Tokyo — New York —Paris: United Nations University Press. 2005. Pp. 68-92. (In Eng.)